

Людмила Посохова
(Харківський національний університет)

Православные коллегииумы и церковная бюрократия в Российской империи (XVIII – начало XIX века)

В исследованиях по истории становления церковной бюрократии в Российской империи XVIII века традиционно подчеркивается, что ключевую роль в этом процессе играли реформы Петра I и создание Святейшего правительствующего Синода. С появлением Синода связывают кардинальное изменение положения Церкви, которая становится частью государственного аппарата, с присущей ему бюрократизацией. Такой вывод был сделан как историками государства, так и историками церкви¹. Учреждение Синода оценивается как важнейшая часть процесса централизации и бюрократизации, после чего развитие церковного управления быстро и неуклонно шло в направлении все большего бюрократизма. Не подвергая сомнению эти устоявшиеся утверждения в целом, отметим, что, на наш взгляд, назрела необходимость в более детальном изучении этого процесса. В частности, актуальными видятся исследования становления церковной бюрократии, в том числе на разных уровнях, и в связи с различными сферами государственного управления. Достаточно обратиться к изучению истории духовных школ под управлением Синода и мы убедимся, что упомянутый вывод нуждается в значительной корректировке. Особенно если сфокусировать внимание на истории православных коллегииумов, которые существовали лишь на украинских землях. Киевский, Черниговский, Харьковский, Переяславский, возникли на пересечении восточной и западной культурно-образовательной и церковно-исторической традиций². В данном случае интересно проследить как институты, имеющие в основе давнюю

¹ П.В. Тихомиров, *Каноническое достоинство реформы Петра Великого по церковному управлению*, „Богословский вестник” 1904, т. 1, № 1; И.К. Смолитч, *История Русской Церкви. 1700–1917гг.*, Moskwa 1997; Л.А. Тихомиров, *Монархическая государственность*, Moskwa 1905; В.Г. Игнатов, *История государственного управления в России*, Rostów na Donie 2010.

² Więcej o modelu kolegium prawosławnego patrz: Л.Ю. Посохова, *Православные коллегииумы Российской империи (вторая половина XVIII – начало XIX вв.): между традициями и новациями*, „Ab Imperio” 2010, № 3, s. 85–112; таж, *На перехресті культур, традицій, епох: православні колегіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст.*, Charków 2011.

западноевропейскую традицию, смогли сохранить ее в новых условиях. Хотя историками сделаны общие выводы о централизации церковной жизни и образовательных процессов в Российской империи, характеризующих как начало, так и вторую половину XVIII века, православные коллегииумы сохраняли на протяжении всего этого времени своеобразие образовательной формы и содержательного наполнения учебно-воспитательного процесса. Какие же факторы способствовали «живучести» этой образовательной модели и ее устойчивости к прессу централизации? Так ли успешно и быстро развивались бюрократические процессы, как это принято считать?

Прежде всего следует отметить, что «коллегиум» являлся трансконфессиональной образовательной моделью. Православные коллегииумы имели генетическую связь с иезуитскими. Она проявлялась в схожести организационной структуры, в наличии таких же «классов», порядка их прохождения, программе образования (фактически сориентированной на «Ratio Studiorum»)³. Иезуитские коллегииумы, имевшие успех во многих европейских странах, возникли и на всех украинских землях, которые входили в состав Речи Посполитой. На Левобережной Украине иезуитские коллегииумы были основаны в Переяславе (1635) и Новгороде-Северском (1736)⁴. Именно на этот образовательный образец ориентировался киевский митрополит Петр Могила (1596–1647) при создании Киевского (Могилянського) коллегииума⁵. Впоследствии для него удалось добиться статуса «академии» от правительства Речи Посполитой, а со временем подтвердить его от Московского государства. Историки Киево-Могилянської академії говорять о неї як о западному по содержанию и форме учебном заведении⁶, которое синтезировало достижения европейского образования на почве православно-русской культурной традиции⁷. В XVIII веке на украинских землях, входивших в состав Российской

³ O kolegiach jezuitckich patrz: A. Scaglione, *The Liberal Arts and the Jesuit College System*, Amsterdam-Filadelfia 1986; J. O'Malley, *The First Jesuits*, Londyn 1993; *Z dziejów szkolnictwa jezuitckiego w Polsce*, red. J. Paszenda, Kraków 1994; *Wkład Jezuitów do nauki i kultury w Rzeczypospolitej Obojga Narodów i pod zaborami*, red. I. Stasiewicz-Jasiukowa, Kraków - Warszawa 2004.

⁴ Т. Шевченко, *Єзуїтське шкільництво на українських землях останньої чверти XVI – середини XVII ст.*, Львів 2005, s. 139–144.

⁵ Piotrowi Mohyle poświęcono obszerną monografię, w której poruszane są także kwestie z Kolegium Kijowskim: I. Sevcenko, *The many worlds of Peter Mohyla*, „Harvard Ukrainian Studies” 1984, № 8, ss. 9–44; А. Жуковский, *Петро Могила й питання єдності церков*, Paryż 1969 [przedruk: Kijów 1997]; F. Sysin, *Peter Mohyla and the Kiev Academy in Recent Western Works: Divergent view on seventeenth century Ukrainian culture*, „The Kiev Mohyla Academy Harvard. Ukrainian Studies”, Cambridge 1984; *A History of the University in Europe*, vol. 2: *Universities in Early Modern Europe (1500–1800)*, red. H. Ridder-Symoens, Cambridge 1996, s. 48; L. Sharipova, *Latin books and the Eastern Orthodox clerical elite in Kiev, 1632–1780*, Manchester 2006.

⁶ M.J. Okenfuss, *The Jesuit Origins of Petrine Education*, [w] *The Eighteenth Century in Russia*, red. J.G. Garrard, Oxford 1973, s. 110, 114; M. Raeff, *Russian intellectual history an Anthology*, New Jersey 1978, s. 13; Я. Ісаєвич, *Освітній рух в Україні XVII ст.: східна традиція і західні впливи*, [w] *Україна XVII ст. між Заходом та Сходом: матеріали I українсько-італійського симпозіуму, 13–6 вересня 1994 р.*, Київ, Kijow 1996, s. 117; Д.Наливайко, *Поетики й риторики епохи бароко*, [w] *Українське бароко*, t. 1, Charków 2004, s. 220.

⁷ Д.Наливайко, *Поетики й риторики епохи бароко*, [w] *Українське бароко*, t. 1, Charków 2004, s. 221.

империи, по образцу Киево-Могилянского были основаны еще три коллегииума –Черниговский, Харьковский и Переяславский (основанные соответственно в 1700, 1726 и 1738 гг.). Кроме них в Российской империи не было учебных заведений с таким названием. Показательно, что руководство православных коллегииумов уже на самых ранних этапах их становления продемонстрировало желание идти путем Киево-Братского коллегииума в оформлении внешних корпоративных прав. Инициатива создания коллегииумов принадлежала местным архиереям, которые опирались на свои представления об организации школ⁸. В конце XVII века полномочия архиереев по развитию образовательных заведений в епархии не регламентировались законодательными актами Московского государства или Московской патриархии. Истоки Черниговского коллегииума восходят к «школам», которые основал в Новгороде-Северском выдающийся иерарх Лазарь Баранович⁹. Первое упоминание в официальном документе о школе в Чернигове (куда ее перевел Лазарь Баранович в 1670–80-е гг.) содержится в грамоте московского патриарха Адриана, которой в 1694 г. Феодосий Углицкий утверждался архиепископом Черниговским¹⁰. В тексте названы школы, в которых ученики обучаются свободным наукам¹¹. Это упоминание о школах в грамоте является проявлением правовой традиции, которая существовала на этих землях (достаточно вспомнить, что иерусалимский патриарх Теофан в грамотах православному Киевскому братству 1620 г. особо говорил о Киевской братской школе).

Изучение процесса оформления прав Харьковского и Переяславского коллегииумов, которые возникли позже, необходимо начать с характеристики «Духовного Регламента», утвержденного 25 января 1721 г.¹² Этот законодательный акт регулировал церковную жизнь Российской империи на протяжении XVIII–XIX вв. В нем с большей четкостью (по сравнению с законодательством предшествующего времени) были поставлены вопросы о значении образования, предложена «схема» основания школы, даны советы и рекомендации. Ученые много раз обращались к анализу этого документа, и давали оценку его автору – Феодану Прокоповичу как просветителю¹³. При этом Георгий Флоровский верно подметил, что «Регламент» был скорее

⁸ Założycielami Kolegium Czernihowskiego byli wybitni działacze cerkiewni Łazarz Baranowicz (1620–1693) i Ioann Maksymowicz (1651–1715), Charkowskiego – Epifanisz Tichorski (?–1731), Perejasławskiego – Arsenij Berlo (?–1744) [przyp. aut.].

⁹ Łazarz Baranowicz uczył się w Kolegium Kijowsko-Brackim, Akademii Wileńskiej, wykładał i był rektorem Kolegium Kijowsko-Brackiego [przyp. aut.].

¹⁰ *Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов*, cz. 1, t. V, Kijów 1872, s. 395–403.

¹¹ Тамże, s. 400.

¹² *Полное собрание законов Российской империи, собрание I* [dalej: ПСЗ], Sankt Petersburg 1830, t. VI, № 3718.

¹³ J. Cracraft, *Feofan Procopovich*, [w] *The Eighteenth Century in Russia*, oprac. J.G. Garrard, Oxford 1973, s. 75–105.

размышлением, а не уложением, приближаясь к политическому памфлету, манифесту, был декларацией новой жизни¹⁴. При внимательном прочтении тех разделов закона, которые касаются школьного дела, становится очевидно, что план открытия духовных школ выписан с недостаточной степенью детализации конкретных действий ответственных лиц. Статус «академии» в Регламенте выглядит совсем «не академичным» в сравнении с правами и привилегиями, которые были в то время у Киево-Могилянской или Московской академии (этот статус вообще не оговорен специально, хотя его можно «составить» из отдельных позиций, рассредоточенных по разным параграфам). Регламент проектировал «систему» духовных школ империи, низшим уровнем которой должны были стать архиерейские школы, высшим – академия. Обязанность основывать архиерейские школы в епархиях была возложена на архипастырей (они должны были это делать за счет епархиальных средств). «Регламент» зафиксировал государственную инициативу в создании «академии», но не определил, какая академия, где и когда будет создана. Само слово «академия» употреблялось в документе как название учебного заведения, а под словом «семинария» имелась в виду бурса-интернат (помещение) при ней.

Хотя «Регламент» декларировал широкую общественную пользу от основания духовных школ, но проектировал образование, которое по своим целям тяготело к решению профессионально-сословных задач. Он продолжал линию, направленную на обязательное образование детей духовенства, которая прослеживается в законодательстве с начала XVIII века. Безусловно, «Регламент» стал важной вехой в истории развития образования в Российской империи и после его принятия процесс создания архиерейских школ пошел быстрее¹⁵. Известно, что уже в последующие несколько лет архиереи, выпускники Киево-Могилянской академии и ее преподаватели основали ряд школ (Тверскую, Суздальскую, Вятскую, Холмогорскую, Вологодскую, Коломенскую, Рязанскую и др.). Впрочем, приводя данный список школ, исследователи нередко забывают упомянуть, что процесс их организации растягивался на несколько десятилетий. Большинство этих учебных заведений вскоре закрылось, многие «основывали» несколько раз, в результате чего их стабильная деятельность началась лишь во второй половине века. «Регламент» не предполагал государственного обеспечения школ, и это надолго затормозило их открытие, вплоть до того времени, когда им были определены штатные оклады¹⁶. Не менее веской причиной было медленное восприятие модели «латинской» школы, которая выглядела «чужой» для

¹⁴ Г.Флоровский, *Пути русского богословия*, Kijów 1991, s. 84–85.

¹⁵ П.В. Верховский, *Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права*, t. 1, Rostów na Donie 1916, s. 406.

¹⁶ М. Владимирский-Буданов, *Государство и народное образование в России XVIII века*, Jarosław 1874, s. 316.

великороссийских регионов. В этой связи примечателен законодательный акт, который выпал из поля зрения историков образования. 31 мая 1722 г., спустя год после принятия «Регламента», был принят закон, которым были значительно снижены требования к организации епархиальных школ¹⁷. По этому закону разрешалось основывать лишь элементарные (грамматические) школы (в «Духовном Регламенте» кроме грамматики, назывались пиитика, риторика, философия, богословие). Именно поэтому в первой половине XVIII века программа большинства епархиальных школ была очень далека от начертаний «Регламента», в них преподавали лишь славянскую и латинскую грамматику¹⁸. Но даже значительно снизив требования к организации школ, высшая духовная власть на протяжении нескольких десятилетий не контролировала выполнение архиереями этих законов. Попытка создания единого руководящего органа была предпринята 21 июля 1721 г., когда Синод утвердил «Типографскую контору» под руководством Гавриила Бужинского. В постановлении оговаривалось, что Киевская и Черниговская школы подчиняются своим архиереям и лишь в случае необходимости архиереи могут обращаться в Контору¹⁹. Но этот орган существовал очень короткое время.

«Духовный Регламент», как уже было отмечено, не предполагал наличия у школ или академий привилегий и льгот. Тем более примечательны действия создателя Харьковского коллегииума епископа Епифания Тихорского²⁰. Он добился от Синода разрешения основать новый монастырь, который вместе с коллегииумом (по образцу Киевского братского монастыря) был назван Покровским Училищным монастырем²¹. В своем обращении Епифаний апеллировал к статусу Московской и Киевской академий (то есть к существующей модели), а не к положениям «Духовного Регламента». И совершенно в духе средневековой европейской традиции выглядит обращение Епифания Тихорского к императрице Анне Иоанновне с прошением выдать грамоту для подкрепления школы. Жалованная грамота Харьковскому коллегииуму от 16 марта 1731 г. закрепляла право учить детей разных сословий, фиксировала «привилей» учить их не только пиитике, риторике, но и философии, богословию, судить преподавателей и учеников, защищала от вмешательства военной и светской власти²². Сравнение Жалованной грамоты Киево-Могилянскому коллегииуму от 11 января 1694 г.

¹⁷ ПСЗ, т. VI, № 4021.

¹⁸ Г. Истомин, *Постановления имп. Екатерины II относительно образования духовенства*, „Труды Киевской духовной академии“ 1867, № 9, s. 580; М. Хитров, *Наше белое духовенство в XVIII столетии и его представители*, „Странник“ 1896, № 8, s. 511–512.

¹⁹ *Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи*, серия 1, [далее: ПСПР], Sankt Petersburg 1879, т. I (1721), № 153 (132).

²⁰ Epifaniusz Tichorski był wykładowcą Akademii Kijowsko-Mohylańskiej, a potem biskupem biełgorodzким i obojańskim [przyp.aut.].

²¹ ПСПР, т. VI, № 2217.

²² ПСЗ, т. VIII, № 5716.

(которой царская власть подтверждала его академические права) и Жалованной грамоты Харьковскому коллегиуму приводит к выводу о близости правовых конструкций, в которых были зафиксированы их привилегии (совпадают последовательность их изложения и формулировки)²³. Примечательно, что и в дальнейшем руководство коллегиумов принимало решения, направленные на обеспечение деятельности учебных заведений, льгот преподавателей и учащихся. Например, ректор Харьковского коллегиума Митрофан Слотвинский²⁴ в 1743 г. хлопотал перед Синодом, чтобы преподаватели подлежали только академическому суду, а не светским чиновникам (кроме криминальных дел)²⁵. Местные благотворительные инициативы также нередко организовывались руководством коллегиумов, которое призывало местное население к сбору средств на те или иные нужды.

Можно согласиться с выводом известного исследователя истории духовного образования Российской империи П. Знаменского о том, что административная деятельность Синода в XVIII веке ограничивалась тем, что он лишь призывал основывать школы²⁶. Все остальное – организация школы, поиск средств существования, количество учебных дисциплин, поиск учителей – было в полной компетенции епархиальных архиереев. Духовные школы в это время не были связаны с официальным органом управления и не имели общего надзора. Обязанности должностных лиц (ректора, префекта) этих учебных заведений на протяжении века не были оформлены синодальными инструкциями. Порядок внутренней жизни православных коллегиумов держался «традициями академическими», которые были восприняты из Киево-Могилянской академии, из иезуитских коллегиумов и академий (через обучение в них прошли многие преподаватели и руководство православных коллегиумов).

Попытка бюрократического аппарата Российской империи начать на практике регулировать создание и деятельность духовных школ относится к 1730-м годам. Указом Синода от 24 января 1737 г. начался сбор ведомостей из епархий о наличии духовных школ и их доходов, числа учеников и учебных дисциплин²⁷. 7 сентября 1737 г. появился законодательный акт, которым в Российской империи была начата эпоха духовных семинарий как учебных институтов²⁸. Согласно документу во всех епархиях должны были основывать семинарии для обучения детей духовенства. Однако и в этом акте не были

²³ Szczegółowo na ten temat patrz: Л.Ю. Посохова, *На перехресті культур, традицій, епох: православні колеґіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст.*, Charków 2011, s. 44–46.

²⁴ Mitrofan Słotwiński uczył się w Akademii Kijowsko-Mohylańskiej, Lwowskim Kolegium Jezuickim, był rektorem Kolegium Charkowskiego, Akademii Moskiewskiej, a potem – biskupem twerskim [przyp. aut.].

²⁵ *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода* [далее: ОДД], Sankt Petersburg 1911, t. 23 (1743), zwój 297.

²⁶ П. Знаменский, *Духовные школы в России до реформы 1808 года*, Kazań 1881, s. 189.

²⁷ Амвросий, *История Российской иерархии: в 6 ч.*, cz. 1, Moskwa 1807, s. 435–436.

²⁸ ПСЗ, т. X, № 7364.

определены внутренняя организация школ, объем учебной программы, не предполагалось создания руководящего органа. В указе Синода от 9 июня 1738 г. говорилось о необходимости разработки устава для новоучрежденных семинарий, в котором будет указана численность учеников и учителей (и будет дан ответ на вопрос откуда брать последних), определено содержание учебных курсов и пособий²⁹. Но устав так и не был разработан. Важно отметить, что появление этих актов было связано с так называемыми «разборами» духовенства, стремлением государства определить и оптимизировать численность этого сословия (то есть было вызвано причинами далекими от собственно образовательных). В последующие десятилетия большинство новых семинарий продолжали давать только элементарное образование³⁰.

Таким образом, в 1730-е – 1740-е годы и несколько последующих десятилетий общеимперское руководство формулировало «государственный заказ» в отношении сословной духовной школы в самых общих чертах. Именно это делало возможным то, что местные архиереи обустроивали епархиальные школы по собственному усмотрению до начала XIX в.³¹ Это позволяло православным коллегииумам сохранять *status quo*, продолжать существование в тех формах и с той внутренней организацией, которую они имели в предшествующий период. Показательно, что в 1730-е – 1740-е годы как в местной делопроизводственной документации³², так и в синодальной Черниговский и Харьковский коллегииумы нередко называли «академиями»³³. В эти же годы киевский митрополит и черниговский архиерей отказывались предоставлять информацию об учениках академии и коллегииума в Синод, усмотрев в этом ограничение прав и свобод учебных заведений, которые были подтверждены монаршими грамотами³⁴. В последующие годы права православных коллегииумов не были отменены каким-либо указом, но применение их становилось все более затруднительным в связи с теми изменениями, которые происходили в Российской империи, учитывая процессы инкорпорации украинских земель, ликвидации Гетманщины, полкового устройства, секуляризации церковного землевладения и т.д. В целом, статус православных коллегииумов можно сопоставить со статусом

²⁹ Амвросий, *История Российской иерархии: в 6 ч., cz. 1*, Moskwa 1807, s. 440–441.

³⁰ П. Знаменский, *Духовные школы в России до реформы 1808 года*, Kazań 1881, s. 551.

³¹ Б.В. Титлинов, *Духовная школа в России в XIX столетии*, wyd. 1: *Время Комиссии Духовных Училищ*, Wilno 1908, s. 6.

³² Центральный державний історичний архів України в м. Києві, zesp. 1973, inw. 1, wiązka 1477, ark. 1; zesp. 2007, inw. 1, wiązka 24, ark. 10; zesp. 2009, inw. 1, t. 1, wiązka 200, ark. 2; wiązka 600, ark. 1; Государственный архив Курской области (m. Kursk, Federacja Rosyjska), zesp. 186, inw. 1, sygn. 33.

³³ Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге, zesp. 796, inw. 20, sygn. 251; inw. 22, sygn. 175; inw. 23, sygn. 804; ОДД, Sankt Petersburg 1907, t. 15 (1735), zwój. 469; t. 16 (1736), zwój. 114, 262.

³⁴ ОДД, Sankt Petersburg 1885, t. 7 (1727), zwój CXXXVI; ОДД, Piotrogród 1915, t. 18 (1738), zwój 615.

иезуитских коллегий (которые имели высшие классы), а также «неполных» университетов Европы. Очевидно, что коллегии имели потенциал для дальнейшего развития в «полный» университет доклассического типа. Как известно, расширение академических прав и закрепление правового статуса высшей властью приводило к реформированию многих европейских коллегий в «полные» университеты (академии).

С 1760-х годов стали наблюдаться попытки реформировать коллегии. Известно около десяти университетских проектов и предложений, которые были высказаны высшими сановниками, местными чиновниками и представителями местного общества (1760–1804 гг.), в которых формулировалась необходимость создания университетов в Российской империи, в том числе путем преобразования коллегий³⁵. Важным и интересным шагом в этом направлении было открытие «прибавочных классов» при Харьковском коллегии в 1768 году, что усилило светский компонент образования. На фоне ряда нереализованных проектов можем утверждать, что открытие «прибавочных классов» было уникальным явлением в истории развития образования на украинских землях Российской империи в XVIII веке. В этом можно выявить очевидные параллели со шляхетскими коллегиями, которые основывались по всей Европе, в том числе и в Речи Посполитой (*Collegium Nobilium*). Новые вызовы времени, задачи воспитания сыновей шляхты, привели к тому, что в этих заведениях, при сохранении программы «*Ratio Studiorum*», происходила модернизация учебной программы за счет введения новых предметов³⁶. Таким образом, поиски путей модернизации европейской гуманистической школы и православных коллегий велись в параллельных направлениях. При этом необходимо отметить, что политика правительства Екатерины II в области образования отличалась непоследовательностью и незавершенностью³⁷. Показательно, что когда епископ Феоктист Мочульский 25 мая 1790 г. издал указ о запрещении названия «коллегия» и замене его на наименование «Харьковская семинария», это вызвало негодование местного общества³⁸. Руководство коллегия также отказывалось употреблять название «семинария»,

³⁵ O niektórych z tych projektów patrz.: Л.Ю. Посохова, *Трансформация образовательной традиции в Восточной Европе XVII–XVIII вв.*, [w] «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в., red. wyd. А. Ю. Андреев; red. serii А. В. Доронин, Moskwa 2009, s. 48–49.

³⁶ Szczegółowo na ten temat: L. Piechnik, *Jezuickie Collegium Nobilium w Warszawie (1752–1777)*, [w] *Z dziejów szkolnictwa jezuickiego w Polsce*, Kraków 1994, s. 151–182; К. Пуховський, *Єзуїтський Collegium Nobilium у Львові (1749–1773)*, „Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна”, seria: *Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки*, Charków 2006, wyd. 8 (715), s. 117–144; K. Puchowski, *Jezuickie kolegia szlacheckie Rzeczypospolitej Obojga Narodów*, Gdańsk 2007.

³⁷ Zespół przyczyn niekonsekwencji tej polityki przeanalizował A. Andriejew: А.Ю. Андреев, *Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы*, Moskwa 2009, s. 302–320.

³⁸ П. Солнцев, *Очерк истории Харьковского коллегия*, Charków 1881, s. 28; А.С. Лебедев, *Белгородские архиереи и среда их архипастырской деятельности*, Charków 1902, s. 228.

поскольку считало его унижительным и обидным³⁹. В результате название «коллегиум» продолжало употребляться.

Серьезным шагом в направлении унификации духовных учебных заведений и изменений модели православного коллегииума стала секуляризация церковных имений, которая проводилась в украинских епархиях в 1786 году⁴⁰. Секуляризация означала кардинальные изменения всей экономической жизни церкви, в том числе затрагивала интересы православных коллегииумов. Установление фиксированного штатного оклада лишало местное коллегииумское начальство былой самостоятельности в решении многих вопросов (содержание бедных учеников, приглашение учителей для преподавания новых предметов, приобретение литературы, отправку студентов в другие учебные заведения для продолжения обучения и т.п.). Особенно болезненно секуляризация ударила по Харьковскому коллегииуму, поскольку в государственную казну были переданы богатые владения коллегииума, а сумма установленного денежного оклада оказалась ниже его предшествующих доходов⁴¹. Секуляризация и установление штатных окладов, получаемых из государственной казны, изменили один из принципов организации коллегииумов, который зиждился на проведении деятельности на основе собственных ресурсов и пожертвований меценатов. Однако и после этого коллегииумы сохраняли некоторые особенности по сравнению с духовными семинариями Российской империи, большинство из которых только с установлением окладов начали свою работу.

Изучая этапы усиления контроля за деятельностью духовных школ со стороны Синода, необходимо также учитывать, что в 1786 г. в Российской империи началась реформа, которая положила начало созданию централизованной системы образования (основание главных и малых народных училищ)⁴². Эта реформа еще раз продемонстрировала неопределенность положения православных коллегииумов. 1790-е годы стали временем формирования новых моделей церковного и светского образования, усиления тенденций к размежеванию светского и церковного компонентов образования. В это же время происходило определение четких границ между уровнями образования (начальное–среднее–высшее). В 1797 г. статус академий (высших духовных школ) получили семинарии в Петербурге и Казани. Однако, по оценкам исследователей, эти академии до 1808 г. так и не

³⁹ Ф.И. Титов, *Феофтист Мочульский, архиепископ Курский*, „Труды Киевской духовной академии“ 1894, № 1, s. 70.

⁴⁰ ПСЗ, т. XXII, № 16375.

⁴¹ Patrz na ten temat: Л.Ю. Посохова, *Харківський колеґіум (XVIII – перша половина XIX ст.)*, Charków 1999, s. 32–35.

⁴² Patrz na ten temat: J. Kusber, *Individual, Subject, and Empire. Toward a Discourse on Upbringing, Education, and Schooling in the Time of Catherine II*, „Ab Imperio“ 2008, № 2.

приобрели значения высших школ⁴³. В 1798 г. был принят проект «О порядке учения в духовных академиях и семинариях», в котором нашли отражение основные принципы ширококомасштабных преобразований⁴⁴. Однако он стал основой реформ, проведенных уже в начале XIX века.

Итак, вплоть до начала реформы 1808 года духовных учебных заведений Российской империи православные коллегии сохраняли отличительные черты своей образовательной модели. Закон от 25 июня 1808 г.⁴⁵ вносил изменения не только в структуру, учебные планы духовных учебных заведений, но и систему их финансирования, формирования капиталов на содержание духовенства и т.п. Вскоре были приняты уставы, которые детально регламентировали все аспекты деятельности академий, семинарий и училищ. С этого времени стало невозможно сохранять какую-либо специфику православных коллегииумов. Во главе системы духовного образования была поставлена Комиссия духовных училищ при Синоде, которая создавалась как самостоятельный орган, которому подчинялись все духовные школы империи⁴⁶. Это означало упразднение прав и обязанностей архиереев по управлению образованием в епархии. Объем функций руководства семинарий, мера самостоятельности в принятии решений были существенно ограничены в сравнении с предшествующим периодом (в семинариях не имели права самостоятельно изменить установленное количество учебных дисциплин, даже прибавить что-то к обязательному перечню). В результате преобразований были подробно регламентированы содержание и методы преподавания всех дисциплин, формы воспитательной работы с учениками.

Закон 25 июня 1808 г. установил ступени духовных учебных заведений: приходские школы, уездные училища, семинарии и академии. Православным коллегииумам был определен статус семинарий Киевского духовно-учебного округа. Занятия в духовных учебных заведениях этого округа в соответствии с требованиями новых уставов начались в сентябре 1817 г. Форма управления семинариями, установленная реформой 1808 года, была оценена исследователями как неудачная, поскольку сводилась к крайней степени единоначалия (концентрируясь в руках ректора), а устав отличался чрезмерной регламентацией и множеством запретов⁴⁷. Вместе с тем, реформа разрешила и некоторые давно назревшие проблемы духовного образования

⁴³ Е.А. Вишленкова, *Забота о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века*, Saratów 2002, s. 317.

⁴⁴ ПСПР (царствование императора Павла I), Piotrogród 1915, s. 303–306.

⁴⁵ ПСЗ, т. XXX, № 23122.

⁴⁶ ПСЗ, т. XXX, № 23207.

⁴⁷ Б.В. Титлинов, *Духовная школа в России в XIX столетии*, wyd. 1: *Время Комиссии Духовных Училищ*, Wilno 1908, s. 106–107, 285.

(например, были введены академические степени: студент, кандидат богословия, магистр и доктор⁴⁸).

Реформа 1808 года привела к унификации всех аспектов жизни духовных учебных заведений в Российской империи. Государственный контроль и всеохватывающее регулирование деятельности духовных семинарий привели не только к ликвидации местных образовательных традиций, но и делали невозможным их появление/возрождение в будущем.

Таким образом, в Российской империи на протяжении всего XVIII века и вплоть до реформы 1808 года процессы централизации и бюрократизации в сфере духовного образования так и не вошли в полную силу. В связи с этим сохранялись условия для существования и развития региональных особенностей (институтов и традиций). История православных коллегииумов, существовавших на украинских землях, на наш взгляд, является явным тому подтверждением. Православные коллегииумы, представляя вариант европейской гуманистической школы, имели ярко выраженную региональную (в масштабах империи) специфику. И хотя они были вписаны в структуры укрепляющейся церковно-бюрократической системы, тем не менее скорее свидетельствуют в пользу сохраняющейся децентрализации как факта российской действительности. Кроме того, следует учесть, что православные коллегииумы хотя и пребывали в ведомстве Синода, тем не менее обеспечивали кадрами не только церковную, но и государственную, светскую службу. Граница церковного и светского в данное время еще не была четкой, сферы церковного и государственного управления также тесно переплетались в силу традиционного для раннего нового времени синкретизма сакрального и светского. Все это вместе, на наш взгляд, позволяет откорректировать несколько упрощенные выводы о процессе бюрократизации церковной жизни в Российской империи в XVIII веке.

⁴⁸ Доклад Комитета о усовершенствовании духовных училищ, и начертание правил о образовании сих училищ и содержании духовенства при церквях служащаго, Sankt Petersburg 1809, s. 69.

Summary

Ludmila Posokhova

Orthodox Colleges and church bureaucracy in the Russian Empire (XVIII - beginning XIX)

In studies on the history the formation of the church bureaucracy in the Russian Empire of the XVIII century has traditionally emphasized that the key role played in this process of reform of Peter I and the establishment of His Holiness Synod, wich fact is rated as the most important part of the process of centralization and bureaucratization, and then the development of church government quickly and steadily going in the direction of a growing bureaucracy. The author argues that there is a need for a more detailed study of this process. In particular, the current study are seen becoming ecclesiastical bureaucracy, including at different levels, and due to the different spheres of government. The author focuses on the history of the Orthodox Collegium, Kyiv, Chernihiv, Kharkiv and Pereiaslavl that existed only in the Ukrainian lands, and emerged at the crossroads of Eastern and Western culture, education and church-historical traditions. These institutions have the basis for a long-standing tradition of Western Europe, were able to keep it in a new context. Orthodox Collegium maintained throughout this time the originality of educational forms and substantive content of the educational process. It should first be noted that the "collegium" was a trans-confessional educational model.

Streszczenie

Ludmiła Posochowa

Kolegia prawosławne a biurokracja kościelna w Imperium Rosyjskim (XVIII – początek XIX wieku)

W badaniach historii rozwoju biurokracji kościelnej w Imperium Rosyjskim XVIII wieku tradycyjnie podkreśla się, że kluczową rolę w tym procesie odegrały reformy Piotra I i ustanowienie Synodu, co jest oceniane jako najważniejsza część procesu centralizacji i biurokratyzacji, a następnie rozwój władzy kościelnej miałby szybko i systematycznie zmierzać w kierunku nasilenia biurokracji. Autorka twierdzi, że stan badań dojrzał do bardziej szczegółowego zbadania tego procesu. W szczególności, aktualną potrzebą są badania kształtowania biurokracji cerkiewnej, w tym na różnych poziomach, i w powiązaniu z różnymi sferami administracji państwowej. Autor skupia się na historii kolegiów prawosławnych: kijowskiego, charkowskiego, czernihowskiego i perejasławskiego, które istniały tylko na ukraińskich ziemiach, a pojawiły się na styku kulturalno-oświatowych i kościelno-historycznych tradycji Wschodu. Instytucje te, mające u podstaw długą tradycję zachodnioeuropejską, zdołały ją zachować w nowych warunkach. Kolegia prawosławne zachowały w czasie swego istnienia specyficzne formy kształcenia i treści wypełniające proces oświatowy. Przede wszystkim należy podkreślić, że kolegia były ponadwyznaniowym modelem kształcenia.